

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.1

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-3-489-497

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ О СТРАНАХ И НАРОДАХ ЗАПАДА ПО ДАННЫМ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

THE INITIAL HISTORICAL-GEOGRAPHICAL REPRESENTATION OF THE OLD RUSSIAN BOOKMEN ABOUT THE COUNTRIES AND PEOPLES OF THE WEST ACCORDING TO THE "TALE OF BYGONE YEARS"

А.В. Мельников**A.V. Melnikov**

Нижегородский государственный университет им. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории,
603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

State University of Nizhny Novgorod, the Institute of the internal relations and World History,
2, St. Ulyanov, Nizhny Novgorod, 603005, Russia

Email: ioa1372@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию первичного историко-географического образа Запада в древнерусской летописной традиции на примере «Повести временных лет» – древнейшего памятника книжной традиции Древней Руси. В качестве источников привлечены «Хроника» Амартола как основной источник знаний по всемирной истории и географии, «Повесть временных лет» в редакции Лаврентьевского летописного свода. Историография по теме представлена такими авторами как А.А. Шахматов, В.М. Истрин, И.Н. Данилевский, которые уделили большое внимание исследованию «Повести временных лет», А.В. Назаренко, занимавшийся изучением вопроса развития торговых взаимоотношений Руси и других регионов мира и влияния этих связей на взаимное культурное восприятие. Вопросы взаимодействия славян и восточно-романских народов рассмотрены в соответствующей работе В.Д. Королюка, наиболее важные исследования в области теории летописной традиции в свете «лингвистического поворота» представлены в работе С. Франклина. В ходе статьи было проанализировано введение к «Повести временных лет», на основании чего были сделаны выводы о том, что древнерусские интеллектуалы имели достаточно чёткие представления о народах Западной Европы, при этом относились к ним положительно-нейтрально. Византийское влияние на восприятие народов Запада на раннем этапе невелико.

Abstract

The article is devoted to the study of primary historical-geographical images of the West in ancient Russian intellectual tradition by the example of the "Tale of bygone years", the most famous monument of the historiographical traditions of Kievan Rus. There were used such sources as "The Chronicle" by Georgios Amartolos which was the main source of knowledge on world history and geography for the Russian Medieval intellectuals and the "Tale of bygone years" in the edition of the Laurentian chronicle. Historiography on the subject is presented by many authors such as A.A. Shahmatov, V.M. Istrin. For example, A.V. Nazarenko, paid great attention to the development of trade relations between Russia and other regions of the world and the impact of these relationships on mutual cultural perception. D.V. Korolyuk researched the interaction of the Slavs and Eastern romans. Saimon Franklin introduced

some important works dedicated the theory of storytelling tradition in the light of the "linguistic turn". In the article the introduction to the "Tale of bygone years" was analyzed, on the basis of which it was concluded that ancient intellectuals had a very clear idea of the Nations of Western Europe, it was treated with positive or neutral. The Byzantine influence on the perception of the peoples of the West at an early stage is slight.

Ключевые слова: народ, Георгий Амартол, Нестор, Повесть временных лет, хроника, восприятие.
Keywords: ethnos, Georgios Amartolos, Nestor, chronicle, Tale of Bygone Years, perception.

«Повесть временных лет» представляет собой уникальный исторический источник, на основании которого можно не только реконструировать общий ход историко-политического развития средневековой Киевской Руси от этапа её появления и до эпохи феодальной раздробленности, но также исследовать другие вопросы, связанные с общей историей интеллектуального творчества на Руси. Независимо от того, когда было завершено создание «Повести временных лет» – в конце XI в. или начале XII века, это произведение является древнейшим памятником интеллектуальной мысли не богослужебного предназначения. Дискуссия о том, кем и когда были написаны составные части «Повести временных лет», начатая Шахматовым А.А., продолжается не одно десятилетие и представлена в бесчисленном множестве работ. В нашей статье мы рассмотрим лишь первоначальные сведения «Повести временных лет», касающиеся представлений о странах Запада. Не углубляясь в подробности спора о хронологии создания отдельных фрагментов «Повести временных лет», согласимся принять точку зрения Шахматова А.А. о многоступенчатом пути написания этой «Повести временных лет» и о том, что авторство вступления к «Повести временных лет» принадлежит Нестору и было написано в начале XII века. Первичные сведения о странах и народах собирались с самого начала древнерусского летописания, т. е. не позднее середины XI в. Однако, исходя из теории Шахматова и его учеников, введение к «Повести...» по хронологии не предшествовало появлению первых погодных записей. Вместе с тем трудно сказать, были ли записи конца X–XI вв., в которых есть упоминания об активных контактах с Римом, сделаны ранее труда Нестора, или же написаны им лично, т. е. во второй половине XI в.

В настоящей статье мы рассмотрим следующие вопросы:

1. Каковы были представления о странах Запада у византийских хронистов, труды которых первыми попали на Русь?
2. Что было заимствовано из этих описаний и упоминаний в русских летописях, в частности, в «Повести временных лет»?
3. Существовали ли в древнейшей русской летописной традиции отличные от византийских представления о странах Западной Европы?
4. Насколько полно и достоверно отображены в «Повести временных лет» географические представления о странах Запада по сравнению с данными других источников (археологических, нумизматических и т. д.)?

Методология исследования будет строиться на основе цивилизационного подхода. Цивилизационный подход, предполагающий наличие ярко выраженных ментально-культурных особенностей у представителей различных цивилизаций, позволяет исследовать феномен древнерусской летописной традиции и восприятие латинства в ней наиболее комплексно и объективно, без строгой привязки к социально-экономическим факторам развития древнерусской государственности. В марксистской или иной материалистической методологической концепции вопрос о межкультурном или ином культурном восприятии ставиться не может. Из более узкотематических методик будет использоваться герменевтическая концепция прочтения древнерусских текстов, разработанная в трудах И.Н. Данилевского, М.Ю. Андрейчевой, Б.И. Чибисова, а также на основе общих принципов имагологии. Подход, разработанный И.Н. Данилевским, позволяет не только восстановить изначальное чтение источника и историю его написания, но выявить текстологиче-

ские слои, лежащие в основе любого древнерусского летописного текста, выявить круг источников, с которыми был знаком автор, определить сферу его интересов и общегуманитарные особенности книжной работы на Руси. Имагология пока ещё является новой теоретической разработкой в отечественной гуманитаристике. Это направление равноправно используется как в истории, так и в литературоведении. Вот что по поводу методик имагологии писали в своём труде Поляковы: «имагология опирается на весь инструментарий литературоведения, использует поэтологический анализ, нарратологические стратегии, мифопоэтические подходы...» [Поляков О.Ю., Полякова О.А. 2013, С.7].

Историография вопроса крайне обширна. Условно её можно разделить на три раздела: работы, касающиеся византийских авторов и переводов их произведений на Древней Руси, работы, посвящённые анализу мировоззрения древнерусских книжников и работы, посвящённые общим вопросам взаимодействия Руси и Европы в раннее и классическое Средневековье, т. е. в VIII–XI вв.

Из работ, посвящённых вопросам изучения византийских писателей, известных на Руси, можно назвать лишь самые ключевые произведения, касающиеся мировоззрения авторов византийских хроник и русских летописей. Так основательный текстологический анализ «Хроники» Георгия Амартола проведён в работе Айналова Д.В. «Летопись Георгия Амартола (Криница) [Айналов, 1927]. Об идейной направленности «Хроники» писал также Д.Е. Афиногенов [Афиногенов, С.127–135]. В общих чертах, как отмечает Д.Е. Афиногенов, Георгий Амартол не отступает от императорской идеологической политики второй половины IX в.: резко осуждает мятежников как светских, так и церковных (например, иконоборцев). Однако при всей своей лояльности он является сторонником независимости церковной власти от светской, симпатизирует Риму и не стремится к максимальному сближению своих позиций с позицией официальной императорской власти. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Георгий Амартол выражал официальную позицию византийской правящей элиты, его личное мнение не сильно отличалось от большинства церковных интеллектуалов его эпохи. Текст «Хроники» Георгия Амартола и подробный его текстологический анализ как славянского перевода «Хроники» можно найти в книге Истрина В.М. «Книги времени и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе» [Истрин, 1920]. Краткий анализ истории перевода и распространения «Хроники» Георгия Амартола в древнерусской литературе есть в работе Е.Г. Водолазкина «Хроника Амартола в древнерусской литературе» [Водолазкин, 1990, С.7–8]. Существует и множество других работ, посвящённых анализу как самой «Хроники» Георгия Амартола, так и степени её влияния на русское летописание. Общая суть исследований сводится к тому, что это произведение играло важную роль в сложении древнерусской летописной традиции, являясь по времени наиболее близким к их эпохе, оно служило некоторого рода образцом написания «летописцев».

Наиболее важный вклад в изучение «Повести временных лет», помимо А.А. Шахматова, внесли В.М. Истрин, В.В. Кусков, М.Х. Алешковский, Б.А. Рыбаков, подробный анализ историографических подходов и мнений на тему развития древнерусского летописания и конкретно этого источника проведён в работе Данилевского И.Н. [Данилевский, 2004].

В качестве источниковой базы нашего исследования в рамках настоящей статьи мы рассмотрим «Хронику» Георгия Амартола, а также «Повесть временных лет» в древнейшей сохранившейся редакции – Лаврентьевском летописном своде. «Хроника» Георгия Амартола уникальна тем, что это одно из произведений, на которое прямо ссылается Нестор. Кроме того, сама стилистика, направленность произведения Георгия Амартола были взяты за образец. Однако многие сведения из всемирной истории были русским летописцем были опущены, а многие реалии, близкие для древнерусского читателя, вставлены в текст, изначально близкий тексту славянского перевода Георгия Амартола. В статье особое внимание уделено прежде всего введению к «Повести...», в котором излагается краткое содержание мировой истории до «того, кто в Киеве начал первым княжить»,

т. е. возникновения Русского государства. Помимо всемирно-исторического содержания во введении внесены сведения, касающиеся современной летописцу или автору византийского протографа, мировой географии.

Большая часть «Хроники» Георгия Амартола посвящена описанию истории от Сотворения мира до воцарения Константина Великого, т. е. основное внимание летописец уделил описанию древней истории, сведения о которой он черпал соответственно из библейских текстов и имевшихся в его распоряжении античных историков. Следует отметить, что в эпоху Георгия Амартола ещё не было как таковых «латинян», поскольку ещё не произошёл раскол между Римом и Константинополем. Все упоминания о западных землях – Галлии, Британии и Иберии – связаны лишь с античными временами или эпохой переселения народов. Кроме того, западные земли упоминаются в числе доставшихся по жребию Иафету при дележе земли после Потопа. Сведения Георгия Амартола взяты непосредственно из Книги Бытия, где приводится аутентичный текст сказания о Потопе и разделении земли. При этом в «Хронике» Георгия Амартола приводится более полный вариант разделения земли потомками Ноя, более близкий к первоначальному библейскому варианту. Однако и он совершает хронологическую ошибку, датируя разделение земли временем после разрушения Вавилонской башни. «После смещения (языков) и разрушения башни призвали сыновья Ноя всех родившихся от них и дали им свои страны, предписанные им от отца, каждому колену и племени свои места и страны, и острова, и реки, кому что досталось» [Истрин, 77]. Как известно, по тексту Библии разделение земли на уделы произошло при внуках Ноя: «Вот родословие сынов Ноевых: Сим, Хама и Иафет. После потопа родились у них дети. Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, [Елиса,] Фувал, Мешех и Фирас. Сыны Гомера: Аскеназ, Рифат и Фогарма. Сыны Иавана: Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим. От них населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих. Сыны Хама: Хуш, Мицраим, Фут и Ханаан. Сыны Хуша: Сева, Хавила, Савта, Раама и Савтеха. Сыны Раамы: Шева и Дедан. Хуш родил также Нимрода... Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар. Из сей земли вышел Ассур и построил Ниневию, Реховоф-ир, Калах и Ресен между Ниневию и между Калахом; это город великий. От Мицраима произошли Лудим, Анамим, Легавим, Нафтухим, Патрусим, Каслухим, откуда вышли Филистимляне, и Кафторим.» (Быт. 10: 1–14). География, перечисленных в Библии регионов и поселений охватывает местность, известную во времена Иудейского царства, т. е. в первой половине I тысячелетия до н. э.

«Хроника» Георгия Амартола по большей части охватывает события ветхозаветной, античной и позднеантичной истории. Фактически в его работах не упоминаются «латиняне» как таковые, что отчасти связано с отсутствием разделения Церквей в его эпоху, а также с отсутствием представления о культурно-историческом единстве народов Западной Европы. В «Хронике» неоднократно упоминается «папёж римский» (в церковнославянском переводе), но никаких негативных коннотаций при этих упоминаниях не имеется. Более того, он никогда не оказывается упомянутым в контексте религиозно-идеологической борьбы или еретического учения. Само слово «папёж», имеющее несколько пренебрежительную коннотацию в церковнославянском языке, в греческом оригинале не имело таковой. Греческое слово "papas" обозначало титул первоиерархов не только Римской, но и Александрийской церкви. При описании правления императоров VIII–IX вв. Георгий Амартол ничего не пишет об имевшихся к тому времени противоречиях с Римом. Не пишет он также и о позитивных контактах между императорами Византии и Франкской империи, о чём, например, известно из Вертинских анналов (*Annales Bertiniani*. 830–882. // *MGH SS.* – Т. I. – Р. 419–515), в которых Феофил просил Людовика обеспечить безопасность послов от «народа Рос», путь которых в Византию лежал через земли «диких и свирепых народов». О происхождении этих послов и пути их прибытия существует также много разногласий в историографии. Характерно, что об их прибытии Георгий Амартол также не сообщает. Молчание относительно контактов императоров,

прибытия послов и иных взаимоотношений с западноевропейскими государствами можно объяснить тем, что для хрониста это были обыденные, повседневные события, о которых писать не было смысла. Основное внимание в «Хронике» уделялось только событиям значительным для политической и церковной жизни ромейского государства: смены императоров, войны с сарацинами и мятежи, а также борьба с ересями. В «Хронике» Георгия Амартола для обозначения современных ему народов Запада термин «латиняне» не используется. Вот что по этому поводу пишет Б.И. Чиби́сов в своей статье, где анализировалась история употребления терминов «латиняне» и «латинство»: «В хронике Георгия Монаха (Амартола), относящейся к 60–70 гг. IX в., термин «латины» имеет традиционное значение. Автор писал о «Латинском царстве»: «Как после Ромула управляли царством Латинским, или Римским...» в 23 главе, а в 28 главе 1 книги хронист упомянул «древних кетов, называемых латинами по царю их Латину». В этом контексте термин «латины» представляет собой этноним, обозначающий народ италийской группы, занимавший в древности территорию Лация» [Чиби́сов, 2014]. Пожалуй, единственный конфликт между представителями западных народов и византийцами представлен в рассказе о мятеже в Лонгивардии – области Южной Италии, когда местный дукс с помощью западных воинов разгромил правительственные войска.

Важнейшим источником по истории древнерусского книжного творчества является «Повесть временных лет». Предполагается, что первые погодные записи появились не позднее 1030–1040-х гг., затем они вошли в основу Древнейшего свода, который послужил протографом для создателя «Повести временных лет», которая была завершена или в 1111 г., или в 1118 г. [Присёлков, 1998]. О конкретных персоналиях авторов в исторической науке до сих пор происходят споры. Можно с большей долей вероятности утверждать, что последнюю редакцию в оригинальной «Повести...» осуществил монах Киево-Печерского монастыря Нестор, о котором есть сведения, например, в Киевском патерике [Киевский патерик, С. 4–80]. Как отмечает Д.С. Лихачёв, качество работы над летописным произведением впечатляет. Автором были привлечены многочисленные источники, такие как византийские хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, народные предания и легенды, свидетельства очевидцев тех или иных событий, а также библейские источники. Следует отметить, что к моменту создания этого летописного источника древнерусскому летописцу в церковнославянском переводе могли быть доступны лишь Евангелия и некоторые книги из Апостола. Тем не менее в тексте «Повести временных лет» есть многочисленные ссылки на библейские произведения Ветхого Завета. Точно так же до Нестора не было трудов на церковнославянском языке по всеобщей истории. Поэтому все сведения, касающиеся всеобщей истории, он непременно должен был брать из византийских источников. Таким образом, первичное восприятие стран и народов Запада в древнерусской интеллектуальной традиции во многом зависело от мнения византийских авторов по этому вопросу.

Если мы рассмотрим «Повесть временных лет» Нестора, то увидим, что сведения Георгия Амартола он искусно дополнил собственными географическими представлениями и описаниями. Пропуская пространное описание событий Сотворения мира, Нестор сразу переходит к перечислению списка земель, доставшимся сыновьям Ноя после Потопа. Так Иафету досталась вся западная и северная сторона, Симу достались страны Востока, Хаму – страны Африки. Вслед за Георгием Амартолом Нестор причисляет славян к народам, живущим в землях Иафета. Нестор опускает тот факт, что разделение земли было проведено внуками Ноя, а не его детьми, далее перечисляет список других стран и народов, входящих в его удел. Во-первых, это провинции Малой Азии, которые до завоевания турками имели различия между собой и считались отдельными регионами. Далее летописец перечисляет острова: «Имать же и острова: Вританию, Сикелию, Еввию, Родона, Хиона, Лъзвона, Куфирана, Закуньфа, Кефалиния, Ифакину, Керкуру, и часть всякая страны» ПСРЛ, Т. 1, С. 4) Любопытно, что Британия и Сицилия для него ничем не отличаются от мелких византийских островов в Средиземном море. Затем после упоминания об Угорских горах (Карпатах) Нестор включает перечисление известных ему народов в

пределах Восточно-Европейской равнины, о которых Георгий Амартол ничего не пишет. После перечисления многочисленных народов славянского и неславянского происхождения, живущих в ареале влияния Киевской Руси, Нестор возвращается к перечислению народов Запада, большинство названий которых, впрочем, не повторяются с греческими прототипами. «Афетово же колѣно и то: варязи, свеи, урмане, готѣ, русь, аглянѣ, галичанѣ, волохове, римлянѣ, нѣмци, корлязи, венедици, фряговѣ и прочии, присѣдять от запада къ полуденю и съсѣдятся съ племенем Хамовомъ». Многие из перечисленных народностей до сих пор не могут быть чётко отождествлены с известными народами. Представленный список содержит множество вопросов, до сих пор не разрешённых в историографии [Назаренко, 2013, С. 21]. Так варяги называются отдельно от свеев – шведов – и от руси, т. е. русь – это не варяги и не шведы, хотя и упоминаются вместе с скандинавскими народами: норвежцами и шведами. Немаловажно и то, что в отличие от всех этих народов «русь» названа собирательным существительным, а не в множественном числе. Под готами, по мнению филологов, Нестор понимает не тех готов, что у Георгия Амартола, т. е. варварское германское племя, а жителей Готланда. Относительно наименования «агляне» нет возражений против отождествления Шахматова А.А. [Шахматов, 1908] этого народа с англосаксами, жителями Англии. Споры вызывают упоминания о «галичанах» и «волохах». С одной стороны, проще всего отождествить их с жителями Галиции и валахами – жителями Валахии, с другой стороны, некоторые учёные отождествляют галичан с валлийцами, а валахов – с древними римлянами, [Корольюк В.Д., 1984, С. 184]. Упоминается о том, что земли «волохов» за морем, как и земля «Агнян», что подтверждает версию Корольюка В.Д. о том, что под волохами понимаются в одном месте жители Италии, а в другом – валахские племена. Сама логика перечисления народностей предполагает, что народы перечисляются не хаотично, а примерно в соответствии с их географическим расположением: с севера на запад, потом на юг. Под «римлянами», «венедицами» и «фрягами» понимаются жители различных частей Италии, которая в то время единой не была и потому ни в какой историографической традиции не могло быть понятия об итальянцах как едином народе. Жителей Франкской империи Нестор называет «корлязи» от названия династии Каролингов. Если по правилам древнерусского языка образовать единственное число мужского рода от этого термина («корлязи» – «корляг»), то это предположение кажется вполне верным. Кроме того, логика перечисления не нарушается. Немцами, как устоялось в более поздней исторической традиции даже до современной эпохи, названы жители современной Германии. Во всяком случае, никаких других наименований германцев в перечисленных народах не встречается. Непонятным остаётся в географическом плане то, где народы «племени Иафета» соседствуют с «племенем Хамовым». При этом Нестор приводит точные сведения о том, что из Варяжского моря можно по воде приплыть к Риму и из Рима также по морю можно приплыть в Царьград.

После описания того, по каким землям живут разные народы, он вслед за Георгием Амартолом отмечает, что для каждого народа характерны свои традиции, описывая наиболее удивительные из известных народных обычаев. Большинство примеров «народных нравов» приведены опять же из византийских хроник. Однако одно из упоминаний касается как будто бы британского народа: «Врѣтанѣ же мнзимужи съ едино[ю] женою спать и многѣ жены съ единымъ мужемъ похотѣствуютъ» (ПСРЛ, Т. 1, С. 13). Скорее всего, речь в этом отрывке действительно идёт о Британии, но не современной Нестору – обычай полигамии и массовые ритуальные оргии вполне могли быть приняты у кельтов, затем позаимствованы из античных сочинений в византийской средневековой литературе, а затем этот обычай был показан в древнерусской летописи как нечто современное. Тем более Нестор и сам знал о сходных нехристианских и греховных обычаях у славянских народов и кочевников-половцев.

Завершает своё введение и рассуждение о разнообразии народов и их обычаев Нестор тенденциозной фразой, апеллирующей к Новому Завету: «Мы же, христиане всех земель, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, име-

ем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись» (ПСРЛ, Т. 1, С. 12). (Перевод автора). Получается, что у Нестора есть только одно разделение всех народов: есть народы христианские, а есть не христианские, живущие по своим нечестивым законам, как и их отцы. Опираясь на свидетельства апостола Павла, летописец подчёркивает, что христианство вновь соединило народы, которые были разобщены после разрушения Вавилонской башни. В историческом плане у летописца не наблюдается чёткого понимания огромной хронологической разницы между падением Вавилонской башни и расселением народов: все эти события происходили одно за другим и были связаны между собой. Разумеется, сомнений в достоверности библейского рассказа у летописца не возникает, иносказательного смысла он также не отмечал.

Существует и альтернативное прочтение географического описания стран и народов в «Повести временных лет», которое можно найти в монографии С. Раффенспергера: «Переосмысление Европы: Киевская Русь в Средневековом мире» [Raffensperger, 2012]. Основным его тезисом является признание Киевской Руси как органической части средневековой Европы, что выражалось прежде всего в активной торговых и династических отношениях. Точно так же и географическое описание стран Европы летописец приводит в соответствии с существовавшими на тот момент торговыми путями. Например, классический маршрут пути «из варяг в греки» является лишь частью кольцевого маршрута вокруг Константинополя через Балтийское, Северное и Средиземное море, вторым важным пунктом на этом пути являлся Рим. «Получается, что маршрут от варягов к грекам – это, по сути, круг, который проходит от Константинополя через Русь и далее через всё пространство европейского континента в Рим и, наконец, возвращается в Константинополь, хотя ряд деталей не отмечается летописцем» [Raffensperger, 2012, Р. 118]. Впрочем, восприятие географического описания Европы и населяющих её народов как своего рода справочника для путешественников не может быть признано верным. Летопись создавалась, прежде всего, для церковных и политических деятелей, поэтому основным было морализаторско-теоретическое содержание. «Летописец выступает в роли проповедника-учителя: история – это наглядный урок "нынешним князьям", поучительный пример современникам. От античных авторов через Византию им был унаследован принцип историков, сформулированный Цицероном: "Historia est magistra vitae" – "История – учительница жизни".» [Кусков, С. 13.]

История в "Повести временных лет" предстает в качестве поучения, данного не в виде общих сентенций, а в виде конкретных ярких художественных сказаний, повестей, фрагментарных статей, положенных "по ряду" "временных лет".

Итак, о представлениях о Западе в древнейшей летописной традиции Древней Руси можно сказать следующее:

1. Представления о Западе в наиболее древней русской летописной традиции не выделяются из общих историко-географических представлений. Многочисленные народы «племени Иафета» ничем не отличаются от народов других частей света. Для них характерны собственные обычаи и традиции, общий для всех исторический путь развития. Однако как народы, исповедующие христианство, чужими, дикими народами они не считаются. В летописном рассказе нет прямых указаний на положительное отношение к европейским народам, но отсутствие негативных комментариев, как в случае с разного рода «гилиями», «амазонками», «бактрийцами», «обрами» и половцами говорит о том, что европейские народы летописцу более близки. Можно отметить, что представления о народах племени Иафета у древнерусских летописцев были достаточно отчётливы: при перечислении народов летописец Нестор соблюдает определённый порядок, можно судить о том, что он представляет себе географическое пространство Западной Европы довольно отчётливо, причём степень осведомлённости выше о народах Скандинавии, Британии и ниже о народах Юго-Западной Европы.

2. Летописец Нестор заимствует у Георгия Амартола и вообще из византийской летописной традиции обширные сведения, прежде всего, по географии Византии и приле-

гающих к ней территорий. Вместе с тем, как и византийский хронист, он ничего не пишет о политической организации европейских народов, как и об особенностях взаимоотношений Рима и Константинополя. Кроме того, он не пишет об их религиозном и социокультурном укладе, несколько раз упоминается только один город Запада – Рим, и то в историческом и географическом контексте.

3. Если говорить об отличиях в представлении стран Западной Европы в древнерусской и византийской традиции, то отличия, несомненно, существовали. Во-первых, это степень осведомлённости. У византийцев степень сведений о странах Западной Европы была сравнительно высока: поддерживались дипломатические контакты, это было настолько обычным делом, что даже не интересовало хронистов в силу своей обыденности. При этом если в Византии наибольшие связи поддерживались с государствами Южной и Юго-Западной Европы, то для древнерусского летописца гораздо более известны были народы Северной и Северо-Западной Европы: он перечисляет все крупные народы Скандинавии, в том числе, жителей Готланда, упоминает по отдельности народы Британских островов. Всё это свидетельствует о том, что большая часть сведений о странах и народах Европы поступала не из Византии, а из стран Северной Европы. Можно предположить, что Нестор после описания регионов расселения народов неслучайно пишет о пути «из варяг в греки», поскольку для него это своего рода «окно в Европу», и, как полагают некоторые учёные, он мог быть знаком с иноземными торговцами, проплывавшими по этому пути.

Проблема восприятия Запада в древнейшей русской летописной традиции многогранна и требует комплексного подхода и изучения большого массива разного рода источников. Чаще всего историки спешат причислить Русь эпохи X–XII вв. или к сфере влияния Византии, или к европейскому сообществу. На основании сведений из введения к «Повести временных лет» можно сделать вывод о положительно-нейтральном восприятии стран и народов Западной Европы в древнейших интеллектуальных трудах Руси.

Список литературы

References

1. Айналов Д.В. 1929. Летопись Георгия Амартола (Криница). *Deuxieme Congres International des etudes byzantines* Belgrade, 1927. Beograd, 127–135. (in Serbia)
Ajnalov D.V. Letopis' Georgija Amartola (Krinica). *Deuxieme Congres International des etudes byzantines* Belgrade, 1927. Beograd, 127–135.
2. Афиногенов Д.Е. 1996. Об идейно-политической ориентации «Хроники» Георгия Амартола. Византийские очерки Ин-т Всеобщей истории РАН. М., «Индрик», 88–96.
Afinogenov D.E. 1996. Ob idejno-politicheskoj orientacii «Hroniki» Georgija Amartola. *Vizantijskie ocherki In-t Vseobshhej istorii RAN*. М., «Indrik», 88–96. (in Russian)
3. Водолазкин Е.Г. 1990. Хроника Амартола в древнерусской литературе. АКД. Л., 7–8.
Vodolazkin E.G. 1990. Hronika Amartola v drevnerusskoj literature. AKD. L., 7–8. (in Russian)
4. Данилевский И.Н. 2004. Повесть Временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., Изд-во «Аспект-Пресс». 370.
Danilevskij I.N. 2004. Povest' Vremennyh let. *Germenevticheskie osnovy izuchenija letopisnyh tekstov*. М., Izd-vo «Aspekt-Press». 2370. (in Russian)
5. Дёмин А.С. 1999. Киево-Печерский патерик. Древнерусские патерики. М., Наука, 496 с.
Djomin A.S. 1999. Kievo-Pecherskij paterik. *Drevnerusskie pateriki*. М., Nauka, 496. (in Russian)
6. Кусков В.В. 1988. Введение христианства на Руси и древнерусская литература. Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 4: 12–19.
Kuskov V.V. 1988. Vvedenie hristianstva na Rusi i drevnerusskaja literature. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija*. 4: 12–19. (in Russian)
7. Кусков В.В. 1998. История древнерусской литературы. М., Высшая школа. 336.
Kuskov V.V. 1998. Istorija drevnerusskoj literatury. М., Vy'sshaya shkola. 336. (in Russian)
8. Истрин В.М. 1920. Книги времени и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. М., 527.

- Istrin V. M. 1920. Knigy vremenyja i obraznyja Georgija Mniha. Hronika Georgija Amartola v drevnem slavjanorusskom perevode. M., 1920. 527. (in Russian)
9. Корольюк В.Д. 1985. Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья: Политическая и этническая история: [Избранные труды]. М., Наука, 240.
- Koroljuk V.D. 1985. Slavjane i vostochnye romancy v jepohu rannego srednevekov'ja: Politicheskaja i jetnicheskaja istorija: [Izbrannye trudy]. M., Nauka, 240. (in Russian)
10. Назаренко А.В. 2013. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., Языки русской культуры, 783.
- Nazarenko A.V. 2013. Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svjazej IX–XII vv. M., Yazy'ki russkoj kul'tury', 783. (in Russian)
11. Повесть временных лет. Т.1. Л. 1926. 379.
- Povest' vremennyh let. T.1. L. 1926. 379.
12. Поляков, О.Ю., Полякова, О.А. 2013. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, ООО «Радуга-ПРЕСС», 174.
- Poljakov, O.Ju., Poljakova, O.A. 2013. Imagologija: teoretiko-metodologicheskie osnovy. Kirov, ООО «Raduga-PRESS», 2013. 174. (in Russian)
13. Приселков М.Д. 1998. История русского летописания XI–XVIII вв. СПб., Издательство «Дмитрий Буланин». 312.
- Priselkov M.D. 1998. Istorija russkogo letopisaniya XI–XVIII vv. SPb., Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin», 312. (in Russian)
14. Саймон Ф. 2010. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., «Дмитрий Буланин». 552.
- Sajmon F. 2010. Pis'mennost', obshhestvo i kul'tura v Drevnej Rusi. SPb., «Dmitrij Bulanin». 552. (in Russian)
15. Чибисов Б.И. 2014. Термин «латиняне» в византийских и древнерусских письменных источниках (до начала XIII века). Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 1: 73–98.
- Chibisov B.I. 2004. Termin «latinjane» v vizantijskih i drevnerusskih pis'mennyh istochnikah (do nachala XIII veka). Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah. 1: 73–98. (in Russian)
16. Шахматов А.А. 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Тип. М.А. Александрова. 708.
- Shahmatov A.A. 1908. Razyskanija o drevnejshih russkih letopisnyh svodah. SPb.: Tip. M.A. Aleksandrova. 708. (in Russian)
17. Annales Bertiniani. 830–882. MGH SS. T. I. P. 419–515.
18. Raffensperger C. 2012. Reimagining Europe: Kievan Rus in the Medieval World. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London, England. 377.